

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И РАКЕТНО-ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КНДР

© 2019 г. В. Михеев, С. Игнатьев

*МИХЕЕВ Василий Васильевич, академик РАН,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (mikheev@imemo.ru);
Российский экономический ун-т им. Г.В. Плеханова, РФ, 115054 Москва, Стремянный пер., 36.*

*ИГНАТЬЕВ Сергей Владимирович, младший научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (ignatyev.serge@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 14.04.2018.

В статье анализируются перспективы сотрудничества России и Китая по ракетно-ядерной проблеме Корейского полуострова. По мнению авторов, на это влияют характер двустороннего стратегического партнерства и его дальнейшее развитие, различие в подходах Москвы и Пекина к Северной Корее, а также фактор США и Южной Корее. Уделено внимание официальной позиции Северной Кореи, которая рассматривает свою ядерную программу в качестве главного фактора обеспечения безопасности режима.

Ключевые слова: ракетно-ядерная проблема, Северная Корея, стратегическое партнерство, Корейский полуостров, денуклеаризация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-18-24

В первой половине 2018 г. на Корейском полуострове произошли весьма значимые события, связанные с внешнеполитической активностью Северной Кореи. Имеются в виду китайско-северокорейский и американо-северокорейские саммиты. Вместе с тем их результаты, на наш взгляд, не вносят ничего нового с точки зрения ядерного разоружения Пхеньяна, хотя и определяют несколько новых нюансов в развитии ситуации, главный из которых состоит в том, что КНДР, действительно опасаясь военной акции со стороны США, решила задействовать потенциал своей внешнеполитической и дипломатической привлекательности (готовность идти на диалог) в качестве фактора обеспечения своей собственной безопасности.

Визит Ким Чен Ына в Пекин в марте 2018 г. не изменил ни подходов Китая к Северной Корее, ни ситуации вокруг ядерной программы Пхеньяна. Пекин не отменил санкций против КНДР, Пхеньян не сказал ничего нового в отношении собственного ядерного разоружения. О стремлении Северной Кореи к “денуклеаризации” Корейского полуострова, причем заявленной исключительно в рамках сентябрьской (2005 г.) декларации стран — участниц шестисторонних переговоров, которая в силу своей недоработанности так и не была выполнена, мир узнал из китайских источников. Официальные северокорейские СМИ нигде об этом ни упомянули, сообщив, что на саммите речь шла о развитии двусторонних китайско-северокорейских отношений.

Встреча в Пекине двух лидеров стала отражением совпадения тактических интересов сторон.

Пекин в начале нового срока правления Си Цзиньпина в качестве и председателя КНР, и генсека ЦК КПК, и председателя Центрального военного совета КНР столкнулся с сильным американским давлением по экономическим и политическим вопросам. Одной из важнейших претензий Дональда Трампа к Китаю стало, в американской оценке, недостаточное влияние Пекина на корейскую ситуацию. Позитивно отреагировав на запрос Ким Чен Ына и приняв северокорейского лидера, Си показал Трампу, что хотя Китай по-прежнему в одиночку не может решить ядерную проблему Пхеньяна, он обладает определенным влиянием на ситуацию и готов обсуждать это с США.

Мотивы Кима еще более очевидны. Нынешняя ситуация в ядерном кризисе предельно проста. Пхеньян добивается признания своего ядерного статуса *де-факто, по индийскому варианту*, и показывает мировому сообществу, прежде всего США, Китаю и Южной Корее, что в этом случае он готов на переговоры о чем угодно — предоставлении ему помощи, культурных контактах, переговорах по ядерной безопасности (но уже как “равный с равным”), прекращении ракетных пусков в обмен на приостановку американо-южнокорейских маневров и т.д. Единственное, о чем Северная Корея не желает говорить, это о своем ядерном разоружении.

Вопрос приобрел простой философский характер: признать в интересах Китая и России де-факто ядерный статус Пхеньяна или нет? Пока официальная позиция Москвы и Пекина совпадают — ядерная Северная Корея абсолютно неприемлема. Стороны видят прямые и косвенные угро-

зы собственной безопасности в развитии ядерной программы Пхеньяна: землетрясения с жертвами; радиационное заражение территорий в результате очередного ядерного испытания в КНДР; попадание ядерных зарядов в руки исламских террористов; наконец, цепная реакция развития ядерных военных программ в Саудовской Аравии, Южной Корее, Японии, на Тайване и т.д.

Вся броскость встречи лидеров США и КНДР в Сингапуре также не несет ничего нового с точки зрения решения вопросов нераспространения ядерного оружия. На наш взгляд, саммит закончился со счетом 2:0 в пользу Северной Кореи. Прежде всего, стоит отметить, что Пхеньян не взял на себя конкретных обязательств по отказу от своей ракетно-ядерной программы, отразив в совместном заявлении намерения идти по пути полной денуклеаризации Корейского полуострова (но не по пути ядерного разоружения КНДР) [1]. В-первых, Ким Чен Ыну удалось поднять свой политико-дипломатический имидж в мире, упрочив тем самым безопасность северокорейского режима, так как на фоне саммита и стремления Пхеньяна идти на диалог маловероятны сценарии военной акции США против Северной Кореи. Во-вторых, Ким добился успехов с точки зрения санкций. На пресс-конференции по итогам сингапурского саммита Трамп заявил, что санкции с КНДР будут сняты после того, как завершится процесс денуклеаризации. В то же время платить за разоружение Пхеньяна, по мнению американского президента, должны Южная Корея и Япония [2]. Таким образом, для Северной Кореи открывается возможность получать финансовые средства от Токио и Сеула, при этом гарантировать, что они будут использованы по назначению, никто не может. По словам официальных лиц США, ядерное разоружение КНДР ожидается завершить к 2021 г. [3] Это играет на руку Пхеньяну в том плане, что в среднесрочной перспективе обеспечивает гарантии безопасности северокорейскому режиму.

На этом фоне продолжает оставаться весьма актуальным вопрос о роли российско-китайского сотрудничества в решении ракетно-ядерной проблемы КНДР. Мы считаем, что, несмотря на итоги двух состоявшихся встреч на высшем уровне, данная тема не теряет своей значимости.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Москва и Пекин официально определяют свои отношения как “всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие”, делая акцент на сложившемся глубоком взаимодействии сторон в экономике, сфере безопасности и борьбы с терроризмом, политическом взаимодействии в международных организациях, включая ООН и ШОС [4].

Немаловажным остается то, что Москва и Пекин используют фактор “стратегического партнерства” для усиления собственных переговорных позиций в диалоге с Вашингтоном, показывая, что их отношения находятся на особом уровне “стратегического взаимодействия” [5].

Вместе с тем, по мере укрепления глобальных экономических позиций Китая на базе стратегии “Пояс и путь” и, как следствие, усиления влияния Китая в мировой политике и сфере безопасности, в российско-китайских отношениях появляется все больше сфер соперничества и неопределенности. Главные риски и вызовы для РФ в сотрудничестве с КНР на среднесрочную перспективу видятся в следующем варианте.

Во-первых, возможная потеря Россией статуса “стратегического партнера” Китая и превращение ее в “тактического союзника” в рамках отношений КНР с США, Японией и ЕС. РФ постепенно превращается в регион, замкнутый на китайские региональные инфраструктурные проекты, транзитную территорию для китайских товарных потоков, регион использования китайской высокотехнологичной продукции и, на этой основе, доминирования китайских стандартов [6].

Во-вторых, российская политика не успевает за быстрыми изменениями внутренней ситуации в Китае и в его внешней политике, что приводит к неточным суждениям в вопросе о том, на что можно рассчитывать в отношениях с Пекином, а на что — нет.

В-третьих, фактор непредсказуемости. Для Китая это выражается в неожиданностях российских внешнеполитических решений последнего времени, что может создавать для него риски в отношениях с ЕС и США. В свою очередь для России непредсказуемость может быть связана с неясностью китайских подходов к мировому развитию и региональным конфликтам — общих тезисов о “гармоничном мире” и решении проблем “через диалог и политическим путем” сегодня уже недостаточно для прояснения китайского подхода к конкретным актуальным мировым проблемам [7].

В-четвертых, недостаток взаимного доверия продолжает иметь место в российско-китайских отношениях. Важно отметить, что антикитайские настроения и настороженность в отношении Китая в России ослабли, Москва идет на углубление военного сотрудничества, открывает для китайского капитала больше отраслей экономики, включая стратегические, готова на сотрудничество в космосе [8] и т.д. Однако все это может стимулировать усиление традиционного недоверия к Китаю, которому способствует рост его экономической, военной и инновационной мощи, а также увеличение отрыва от РФ по военным и сближение по военным показателям, усиление технико-экономи-

ческой зависимости России от КНР, расширение экспансии китайского капитала в Центральной Азии и Восточной Европе – в странах традиционных российских интересов.

В-пятых, фактор США. Сегодня Китай стал второй экономикой мира и, по мере укрепления своих международных политических позиций, будет превращаться во второго после США актора мировой политики [9]. Подобные тенденции могут поменять всю конфигурацию отношений в треугольнике Россия–Китай–США. Вместе с тем тематика отношений Вашингтона с Пекином и Москвой не включается в повестку дня российско-китайских обсуждений, что не способствует преодолению взаимного недоверия.

Наконец, новый (шестой) фактор беспокойства – растущие глобальные амбиции Поднебесной, которые проявляются в ее новых претензиях на глобальное лидерство. В своем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе в начале 2017 г. Си Цзиньпин послал весьма конкретный сигнал, смысл которого сводится к тому, что сегодня мир сталкивается с нарастающим хаосом и деглобализацией. Все это приводит к тому, что Китай готов взять на себя роль *“лидера глобализации и борьбы с протекционизмом”*. Си предложил мировому сообществу стратегию *“инклюзивной глобализации”* – в том смысле, что глобализация не зло и не угроза, а всеовлекающий и всеохватывающий процесс, который несет выгоду всем его участникам. В качестве конкретных мер Си пообещал ускорить процесс открытия китайских рынков товаров, капитала, услуг для мировой экономики [10].

Новые нюансы отношений Китая с Россией в свете прошедшего (18–25 октября 2017 г.) 19-го съезда КПК определяются прежде всего характером отмеченных выше вызовов.

В наступившей до съезда очередной фазе ухудшения отношений Китая с США Пекину выгодно было в политико-пропагандистском плане продемонстрировать особую близость с Москвой, во-первых, показывая Вашингтону, что позиции Китая в их двусторонних отношениях имеют дополнительную опору в лице России. И, во-вторых, демонстрируя китайскому партийному истеблишменту, что в условиях нарастания внешних вызовов северное направление китайской политики остается стабильным.

В то же время новые угрозы и вызовы Китаю военно-политического характера (Северная Корея, Индия, Южно-Китайское море) наводят на мысль, что Китай не может в полной мере рассчитывать на Россию. В Пекине усматривают и ограниченность возможностей получать поддержку от РФ по территориальным спорам, отмечая заинтересованность последней в развитии связей с Вьетнамом как сво-

его рода экономическим плацдармом в АСЕАН, а также Японией в качестве балансира китайского экономического влияния в России.

Заинтересованность в РФ по американскому вектору как в двустороннем, так и в региональном и глобальном контексте, видение пределов использования российского фактора в решении проблем безопасности вблизи китайских границ, по всей видимости, и будут определять *рамки российской политики Пекина после 19-го съезда КПК*.

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

Позиция России по ракетно-ядерной программе Северной Кореи определяется в первую очередь тем, что ядерная КНДР абсолютно неприемлема для РФ – это базовая и неизменная официальная позиция Москвы, которая, будучи ответственной ядерной державой, никогда не примет ядерный статус Пхеньяна [11].

Стратегические интересы безопасности России лежат вне Корейского полуострова – это прежде всего глобальная ядерная стабильность в стратегических отношениях с США, ситуация в Украине и Сирии, а также борьба с терроризмом на так называемом Большом Ближнем Востоке. РФ пока не видит для себя прямой угрозы безопасности, исходящей из Северной Кореи, полагая, что ракетно-ядерные ресурсы Пхеньяна не направлены против нее. Возможные негативные эффекты для российского Дальнего Востока, вызванные радиацией или землетрясением, сегодня в расчет не принимаются.

Более того, у России нет крупных экономических интересов в Северной Корее. Время от времени повторяемые планы транскорейских железнодорожных или газовых проектов носят скорее политико-пропагандистский характер и призваны показать, что российские позиции на Корейском полуострове до сих пор сохраняются [12]. Крупный бизнес прекрасно понимает, что пока не произойдет ядерное разоружение Северной Кореи и она не превратится в нормальное рыночное и открытое государство, вести речь о крупных инвестициях не имеет смысла.

Негативное влияние на российский подход к ракетно-ядерной проблеме КНДР оказывает современный характер российско-американских отношений. Антиамериканизм нарушает главную логику российского подхода к Северной Корее, основанную на вышеобозначенном принципе неприемлемости ядерного Пхеньяна, и приводит к парадоксальным выводам, возлагающим и на США ответственность за нарушение Пхеньяном режима нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ).

Не усматривая собственного стратегического интереса в Северной Корее (экономического и/или в сфере безопасности), Россия занимает пассивную позицию. Она ориентируется на Китай, предполагая в ответ на поддержку его инициатив по Северной Корее укрепить свои переговорные позиции и получить от Пекина содействие по другим темам современной повестки дня. Последним конкретным шагом Москвы стала поддержка китайской инициативы “двойного замораживания”, которая заключается в том, что США прекращают военные учения, а Северная Корея – ракетно-ядерные испытания. И в данном случае Россия рассчитывает на взаимодействие с Китаем по выдвинутому ею “пакетному решению”, что подразумевает всеобъемлющее урегулирование всех основных проблем Корейского полуострова – мирное урегулирование, окончательное “закрытие” наследия Корейской войны, улучшение отношений между Севером и Югом, а главное – демонтаж северо-корейской ракетно-ядерной программы [13].

Слабость и бесперспективность такого общего российско-китайского подхода состоит в том, что Пхеньян не намерен обсуждать свою ракетно-ядерную программу, которая является основой безопасности для северо-корейского руководства и режима. Данная позиция – это не реакция на чьи-то военные учения, а закреплённая при Ким Чен Ыне в Конституции страны, в официальных партийных и государственных документах, в том числе на последнем октябрьском Пленуме ЦК ТПК, стратегия “создания ядерного потенциала американского уровня” [14].

Основное отличие нынешней ядерной программы при Ким Чен Ыне состоит в том, что Пхеньян осуществляет переход от политики выживания, когда ракетно-ядерная программа была предметом торгово-экономического торга, к наступательной политике.

Вместе с тем в *российском подходе сегодня формируются и более серьёзные опасения* относительно неопределённости перспектив развития ситуации – вероятность неадекватной, с точки зрения РФ, военной акции США на действия КНДР или нежелательные геополитические последствия урегулирования ядерного кризиса без российского участия. Все это побуждает российскую дипломатию к постоянному продуцированию активности, пусть даже с нулевым результатом, к своего рода вербальному выражению “озабоченностей”. Однако реальные результативные действия Москвы вряд ли начнутся до того момента, пока ракетно-ядерные действия Пхеньяна не будут рассматриваться в Кремле в качестве угрозы радиоактивного заражения территории Дальнего Востока, что может привести к реальным жертвам среди российского населения.

КИТАЙСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

После последней серии северо-корейских ракетных и ядерных испытаний подход Пекина к проблеме ядерного разоружения Пхеньяна начал меняться. Китай вступил в стадию перехода от пассивной политики, делавшей акцент на наблюдение за ситуацией и декларацию “мирного варианта” решения проблемы, к более активной, предусматривающей санкционное давление на КНДР. Вместе с тем полномасштабный переход к активным действиям еще не произошел. Он потребует времени и может быть форсирован резким обострением военно-политической ситуации на Корейском полуострове.

Китай видит для себя угрозы в последних ракетно-ядерных испытаниях в нескольких измерениях.

Во-первых, это угроза радиационного заражения северо-востока страны в случае очередного мощного испытания и разрушения горы, под которой Пхеньян осуществляет свои ядерные взрывы.

Во-вторых, это угроза дестабилизации военно-политического положения вблизи китайской территории в случае военной акции США против Северной Кореи, что приведет к негативным политическим и гуманитарным последствиям для Китая, включая наплыв огромной массы северо-корейских беженцев и превращение КНДР в неконтролируемую территорию. Выход из данной ситуации потребует от Пекина не только принятия мер военно-политического характера, но и больших финансовых и экономических затрат.

В-третьих, это риски ухудшения американо-китайских отношений, что будет негативно сказываться и на китайской экономике, и на китайских планах мирового лидерства. Более того, амбициозные планы Китая требуют от него сегодня умения решать международные конфликты, особенно в такой чувствительной сфере, как нераспространение ядерного оружия. А неспособность “справиться” с Северной Кореей может поставить под сомнения и китайские глобальные амбиции в целом.

В-четвертых, в Китае выступают против слова нынешнего международного режима ядерного нераспространения и, по этой причине, против признания ядерного статуса Северной Кореи [15]. В том числе и потому что это повлекло бы за собой согласие мирового сообщества на признание ядерного статуса Индии, что для Пекина является стратегически еще более опасным, чем северо-корейская угроза.

Наконец, Пекин видит риски гонки вооружений в АТР, включая и опасность начала Японией и Южной Кореей разработки собственных военных ядерных программ.

Дополнительную сложность нового положения Пекин усматривает в том, что он не может полагаться в полной мере на Россию, которая, по мнению части китайского экспертного сообщества, недооценивает угрозы ядерного заражения соседних с Северной Кореей стран и проявляет пассивность в корейском вопросе. В этих условиях Китай, как полагают в Пекине, будет вынужден делать ставку на взаимодействие с США, к которому, учитывая обилие двусторонних проблем, Китай еще не готов в полной мере.

По мере укрепления глобальных экономических позиций страны у Пекина формируется новая стратегическая повестка дня в международных отношениях. Ее концептуальным стержнем является стратегия “Пояс и путь”. В последнее время новым аспектом стратегии становится стремление КНР к расширению военно-политического присутствия в мире — в Индийском океане и Юго-Восточной Азии, а также в Африке и в районе Ближнего Востока.

Укрепляя свои глобальные позиции, Китай вынужден сотрудничать в поиске поддержки своих инициатив с мировыми лидерами, в том числе с США. Эта необходимость будет побуждать его к более изощренному международному маневрированию, в том числе между Россией и США, не только противопоставляя свои подходы американским, но и в тех или иных пределах согласовывая их.

Применительно к Корейскому полуострову, в ближайшее время позиции Москвы и Пекина могут все больше расходиться. Во-первых, Китай более остро, чем РФ, ощущает угрозу радиационного заражения вследствие продолжения ядерной программы Пхеньяна. Во-вторых, в отличие от Москвы, которая сегодня делает ставку исключительно на диалог с Пхеньяном, Пекин полагает необходимым сочетание политики санкций и давления на Пхеньян вместе с диалогом. При этом Пекин готов идти на ужесточение санкционного давления на КНДР, в том числе и в финансовой сфере (например, запреты госбанкам Китая вести финансовые операции с северокорейцами).

Главным *связующим моментом между Москвой и Пекином* по Корее является проблема *ТНААД* (*Terminal High Altitude Area Defense*)¹. Однако в случае позитивного развития военных отношений Китая и США роль этого сближающего фактора в координации политики Москвы и Пекина может уменьшиться.

США со своей стороны стремятся к большему вовлечению Пекина в политику международного

давления на Пхеньян. Однако, как представляется, главным для Вашингтона здесь является не стремление “оторвать” Китай от России, а попытки расширить поле для собственного давления на Северную Корею за счет развития американо-китайского сотрудничества. В Вашингтоне считают основным резервом для ядерного разоружения Пхеньяна изменение в антисеверокорейском направлении подходов именно Китая, а не в связке Китай—Россия.

В то же время в Пекине формируется мнение, что хотя сотрудничество с Россией по Северной Корее и важно в плане усиления переговорных позиций Китая в отношениях с США, однако именно сотрудничество с последними является главным в решении ядерного вопроса. Сторонники этого подхода считают наиболее важным согласование китайско-американских подходов к ядерной проблеме Корейского полуострова, полагая, что Москва в любом случае будет поддерживать позицию Пекина.

Возможность мирового сообщества окончательно разрешить северокорейскую ядерную проблему в решающей степени будет зависеть от того, насколько глубоко Китай мог бы пойти на сотрудничество с США по этому вопросу и как долго Пекин будет ставить свои интересы в сдерживании и противостоянии США выше заинтересованности в ядерном разоружении КНДР.

Для окончательного перехода к активной и кооперативистской политике на Корейском полуострове Пекину необходим жесткий толчок (радиоактивное заражение северо-востока Китая, последствия взрывов в приграничных с Северной Кореей китайских городах), который бы сменил озабоченность негативными последствиями ядерного испытания явным ощущением реальной угрозы.

При этом отсутствие у Китая готовности отойти от идеи шестисторонних переговоров к активному сотрудничеству в рамках пятисторонних переговоров (Китай, Россия, США, Южная Корея и Япония без участия КНДР) по ядерному разоружению Северной Кореи постоянно расширяет поле для маневра северокорейскому режиму.

В любом случае последние ракетно-ядерные шаги заложили стратегическую основу изменений китайской позиции в будущем — Китай уже не вернется к старой пассивной политике, ограничивавшейся лишь призывами к “дипломатическим методам”, и будет идти по пути ужесточения санкций. Более того, Пекин признает, что не обладает достаточным влиянием на Пхеньян, и постепенно переходит к осознанию неизбежности, а не просто необходимости, международного сотрудничества по одной из наиболее острых проблем безопасности в мире.

¹ *ТНААД* — американский противоракетный комплекс наземного базирования для перехвата ракет малой и средней дальности.

ФАКТОР США И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Одной из наиболее обсуждаемых тем последнего времени являются итоги встречи лидеров США и Северной Кореи. На наш взгляд, можно обозначить четыре мотива действий КНДР в данной ситуации.

Во-первых, Северная Корея стремится к тому, чтобы США и другие ядерные державы признали ядерный статус КНДР как максимум де-юре и как минимум де-факто.

Во-вторых, Пхеньян понимает, что новая администрация Мун Чжэ Ина в Южной Корее предпочла бы вернуться к политике предоставления экономической помощи Пхеньяну и связывает это с улучшением отношений между Северной Кореей и США.

В-третьих, Пхеньяну нужна пауза для преодоления технологического тупика, в который он, возможно, зашел, и возобновления своих ракетно-ядерных испытаний.

И, наконец, в планах у КНДР “подставить” Трампа. В Пхеньяне считают, что Трамп не признает ядерного статуса Северной Кореи и не смягчит жесткости. В этом смысле Северной Корее удобнее иметь дело с администрацией демократов. Но КНДР понимает сложную внутривосточную ситуацию в США, полагая, что Трамп за счет таких жестких международных шагов, как проведение саммита, будет пытаться укрепить свои позиции в качестве “сильного президента” [16].

Будущее российско-китайского сотрудничества по Северной Корее связано не с разработкой

некоего совместного плана действий, к которому ни Пекин, ни Москва пока не готовы, а с характером их отношений с США.

Сегодня напряженные российско-американские и американо-китайские отношения мешают созданию атмосферы доверия трех ответственных ядерных держав по северокорейской проблематике. Это в свою очередь мешает разработке совместного плана действий, который отвечал бы на многие поставленные выше вопросы и четко обозначал бы роль каждой державы в обеспечении региональной безопасности.

Таким образом, ответ на вопрос о возможности российско-китайского взаимодействия по Корее лежит сегодня в сфере кардинального улучшения китайско-американских и российско-американских отношений.

На гипотетически возможный вопрос: “*Хватит ли одного лишь фактора улучшения китайско-американского партнерства для решения северокорейского вопроса при сохранении негатива в российско-американских отношениях?*” — можно ответить, что вероятность подобного сценария существует, но при том понимании, если в случае успеха первых этапов китайско-американского взаимодействия Сеул и Москва присоединятся к новому процессу в самом скором будущем.

Северная Корея — это та тема, где интересы всех сторон — России, Китая, США, Южной Кореи, а также Японии сходятся в недопустимости разрешить Пхеньяну продолжать ракетно-ядерные разработки. И эта общность интересов должна стать в практической дипломатии более важным фактором, чем существующие разногласия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit. The White House*, 12.06.2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (accessed 13.06.2018).
2. *Press Conference by President Trump. The White House*, 12.06.2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-conference-president-trump/> (accessed 13.06.2018).
3. *North Korea should disarm by 2021, Mike Pompeo says as critics slam Trump-Kim summit agreement. South China Morning Post*, 14.06.2018. Available at: <http://www.scmp.com/news/asia/east-asia/article/2150669/wrapup-1-us-aims-major-nkorea-disarmament-2-1/2-years-pompeo> (accessed 14.06.2018).
4. *Эксклюзивное интервью Посла А.И. Денисова агентству “Интерфакс”*. [The Exclusive Interview of Ambassador Denisov A.I. to “Interfax” news agency (In Russ.)] Available at: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb-5DVbqKA/content/id/2320954 (accessed 15.02.2018).
5. Луконин С.А., Михеев В.В. *Китай: фактор съезда*. [Lukonin S.A., Mikheev V.V. *Kitai: faktor s'ezda* [China: The Congress Factor]] Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2696&ret=527 (accessed 15.01.2018).
6. Михеев В., Луконин С., Игнатьев С. *Китай: фактор съезда и фактор Трампа. Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 6, сс. 23-32. [Mikheev V., Lukonin S., Ignat'ev S. *Kitai: faktor s'ezda i faktor Trampa* [China: Congress Factor and Trump Factor]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 6, pp. 23-32.] DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-6-23-32
7. *Теория гармоничного мира председателя Ху Цзиньтао*. [The theory of harmonious world of Hu Jintao (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/95181/6823894.html> (accessed 15.02.2018).

8. *Россия и Китай приняли программу сотрудничества в космосе на 2018–2022 гг.* [Russia and China adopted a program of cooperation in outer space for 2018–2022 (In Russ.)] Available at: <http://tass.ru/kosmos/4693065> (accessed 22.01.2018).
9. Shi T. Xi Plans to Turn China Into a Leading Global Power by 2050. *Bloomberg*, 17.10.2017. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-17/xi-to-put-his-stamp-on-chinese-history-at-congress-party-opening> (accessed 03.02.2018).
10. *Xi Jinping's Keynote Speech at the World Economic Forum*. Available at: http://www.china.org.cn/node_7247529/content_40569136.htm (accessed 30.01.2018).
11. *Москва не собирается признавать КНДР ядерной державой, заявили в МИД России.* [Moscow is not going to recognize the DPRK as a nuclear power, the Russian Foreign Ministry said (In Russ.)] Available at: <https://ria.ru/world/20170919/150510225.html> (accessed 16.01.2018).
12. *Маршрут проложен.* [A Route has been laid (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2015/04/28/transsib.html> (accessed 16.01.2018).
13. *Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова.* [A Joint Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Problems of the Korean Peninsula (In Russ.)] Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662 (accessed 29.01.2018).
14. Михеев В. В., Федоровский А. Н., отв. ред. *Кризис и новая повестка дня для Корейского полуострова и региональных держав.* Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 69 с. [Mikheev V.V., Fedorovskii A.N., eds. *Krizis i novaya povestka dnya dlya Koreiskogo poluoostrova i regional'nykh derzhav* [Crisis and New Political Agenda for the Korean Peninsula and the Regional Powers]. Moscow, ИМЭМО, 2018. 69 p.]
15. Ван И: Китай не признает ядерного статуса КНДР. [Wang Yi: China does not recognize the nuclear status of the DPRK (In Russ.)] Available at: <https://russian.rt.com/article/153035> (accessed 16.01.2018).
16. Михеев В. В. *Возможна ли встреча в верхах между Северной Кореей и США?* [Mikheev V.V. *Vozmozhna li vstrecha v verkhakh mezhdū Severnoi Koreei i SShA?* [Is It Possible to Meet at the Summit Between North Korea and the United States?]] Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3962&ret=640 (accessed 12.03.2018).

**RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP
AND NORTH KOREAN NUCLEAR AND MISSILE ISSUE**

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 18–24)

Received 14.04.2018.

Vasily V. MIKHEEV (mikheev@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИМЭМО), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;

Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanniy Per., Moscow, 115054, Russian Federation.

Sergei V. IGNAT'EV (ignatyev.serge@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (ИМЭМО), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The Democratic Peoples' Republic of Korea is not going to discuss its nuclear program and is seeking recognition of its de-facto nuclear status. Given that both Russia and China are two responsible nuclear powers, Russian and Chinese positions on the issue are absolutely similar – nuclear North Korea is unacceptable. In terms of security, the DPRK which poses nuclear arsenal should be seen as a threat to the territories of both countries. Nevertheless, Moscow does not fully assess the security risks from Pyongyang because Northeast Asia issues are not in the Russia's foreign policy focus. The lack of economic interests in the DPRK and the deterioration of U.S. – Russian relations also have a significant impact on the formation of Russia's policy in the North Korean direction. China, in its turn, considers the following security risks from Pyongyang's activities. First of all, it is a threat of radiation to the northeast of China in the case of next nuclear test. The second one is a possibility of political-military destabilizing in North-East Asia. And finally, it is the deteriorating of U.S. – Chinese relations, which will negatively affect both the Chinese economy and China's plans to become a world leadership. With regard to the Korean peninsula, in the near future, the positions of Russia and China will increasingly diverge. On this issue, unlike Moscow, Beijing will combine sanctions and pressure tools, as well as opportunities for dialogue with Pyongyang. China's unwillingness to cooperate actively within the framework of the five-party talks (China, Russia, the United States, South Korea and Japan without the DPRK) is only expanding the field for maneuvering for the North Korean regime. The disarmament of North Korea should be considered as an opportunity for cooperation between the five abovementioned countries whose security interests in North-East Asia are converged.

Keywords: nuclear and missile issue, North Korea, strategic partnership, Korean Peninsula, denuclearization.

About authors:

Vasily V. MIKHEEV, Academician of Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Principal Researcher.

Sergei V. IGNAT'EV, Junior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-18-24